

К. Θ. РЫЛЪЕВЪ.

Въ настоящее время—когда всѣми уже сознано, что сочиненія Рылѣва, не имѣя ничего общаго съ его политическою дѣятельностью,—принадлежать къ чисто литературнымъ и притомъ замѣчательнымъ по таланту произведениямъ,—полное и тщательно составленное собраніе ихъ, въ ряду наданій прочихъ сочиненій лучшимъ русскимъ поэтовъ, положительно необходимо. По этому мы искренно желаемъ, чтобы изданіе предпринятое дочерью поэта, почтенною Н. К. Пуцценой,—вышло скорѣе въ свѣтъ; за полноту и тщательность его выполненія ручается то, что редакцію его принялъ на себя, по просьбѣ Натасьи Комдратьевны,—извѣстный библиографъ П. А. Ефремовъ.

Съ своей стороны «Русская Старина» впервые послѣ многолѣтняго перерыва напомнила читателямъ многія, лучшія произведенія талантливаго автора поэмы «Войнаровский». Такъ, П. А. Ефремовымъ разобраны, приведены въ порядокъ и напечатаны въ «Русской Старинѣ», съ подлинныхъ рукописей Рылѣва, значительная часть его произведеній, смотр. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II стр. 524—526; 1871 г. т. III стр. 64—114; 485—525; 647; т. IV, стр. 80, 419, 562—571; 1872 г. т., V, стр. 62—68.

Нынѣ П. А. Ефремовъ сообщилъ намъ еще нѣсколько стихотвореній Рылѣва; одно изъ нихъ было помѣщено въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. (библиографическая рѣдкость), а другая въ изданіи сочиненій Рылѣва 1825 г., которое также давно вышло изъ продажи. Ред.

Вотъ отрывокъ изъ предисловія, которое предпослано Рылѣвымъ „Думамъ“ въ его изд. 1825 г.:

„Напомянуть юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для боюратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“.

„Такъ говорить Нѣмецевичъ *) о священной цѣли своихъ историче-

*) Spiewy Historiczne. Niemcewicza. Смот. предисловіе.

Рылѣвъ.

скихъ гѣсенъ (Spiewy Historiczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя Думы. Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе Думы.

„Дума, старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы поютъ Думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ, и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій *) свидѣтельствуемъ, что на Руси гѣлись элегии въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 году въ битвѣ съ Валахами. Элегія сія, говоритъ онъ, у русскихъ Думами называются. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ гѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли....“

Рылѣевъ.

ДУМЫ.

I.

Глинскій **).

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
 Буда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
 Страхнуса проникнуть; гдѣ въ области темной
 Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцаа, бродилъ,
 Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
 Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
 Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
 Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

*) Annales Regni Pol. t. II. k. 1198. Слово въ слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii, (Felix i Serzy, iak Swiadczy Niesiecki Herb VI, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiæ quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus; hæc eadem imitando exprimit». **Рылѣевъ.**

**) Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, вѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена В. К. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, передался вел. князю московскому Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Князь обѣщаль его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества; но не сдержалъ слова. Глинскій вошелъ въ пере-

Волось уцѣлѣвшихъ сѣднѣ остаткѣ
 На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
 Спадали кудрями, вѣясь въ безпорядкѣ:
 Страданье на Глинскомъ бразды провело....
 Сидѣль онъ склоненный на длань головою,
 Угрюмою душой въ мнѣншемъ леталъ;
 Затчаль средь безмолвья цѣнами порою
 И тяжело, стоная, надыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
 Прелестная дѣва-отрада слѣнца;
 Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла,
 И была всё въ жертву она для отца.
 Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
 Могильная мрачность темницы сырой;
 Здѣсь дѣвичью прелесть дочь вѣжная скрыла
 И жизни зарю молодой.

<О, долго ли будешь стоная, лить слезы?
 Рекла она вѣжно, печали забудь!
 Быть можетъ расторгнешь сѣи ты желѣзы:
 Надежда лелѣеть и узниковъ груди!
 Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
 Спокою волненье и бурю души,
 Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
 Ты счастливо кончишь въ тиши>.

<На лонѣ отчизны! воскликнулъ измѣнникъ, —
 Не мнѣ утѣшаться надеждою сей:
 Страшась угрызѣній, стонающій плѣнникъ,
 Несчастный, и вспомнить трепещеть о ней.
 Могуль быть покоенъ хотя на мгновецъ?
 Черны совѣсти тайно терзаетъ меня;
 Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
 И мучусь, измѣну вѣдая.

<Природа дала мнѣ возможныя блага,
 Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, или грознымъ въ войнѣ:

плену съ Олгизмундомъ и наиремъ былъ ему передаться: его свезли, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вол. князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василия. Черезъ годъ, царица выпросила своему дядѣ прощенье (1527 г.) и кн. Глинскій пришелъ еще въ большую силу. По кончинѣ вол. князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ свѣдѣвшихъ членовъ думы. Неокромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Телятникову-Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованіе: онъ смель дѣлать ей увѣщанія и подпалъ гнѣву; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 г.). (Примѣч. 1825 г.) П. М. Строевъ.

Богатство, незванья, порода, отвага —
 Все съ щедростью было низложено мнѣ
 Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
 Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ....
 Вдругъ подняжись тучей на Полюну сѣбѣды —
 И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

«Могольскія орды влетѣли бѣдою:
 Лятва задымилась въ пылу боевомъ —
 И старцы, и жены, и дѣти толпою
 Всклиси въ неволю свирѣпымъ врагомъ;
 И въ пепель деревни и пышныя грады;
 И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
 Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады —
 Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

«Встревожень невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
 Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
 Достигъ—и отважно въ кровавую сѣчу,
 И кровь полилася, напѣваясь, рѣкой.
 Покрылись тѣлами поля и равнины:
 Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
 Но съ яростью новой за мною дружины —
 И гордый моголь побѣждалъ.

«Боролся съ кончиной властитель державной;
 Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ—
 И вдругъ, о побѣдѣ и громкой и славной,
 Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
 Чело Александра веселость покрыла:
 «Когда торжествуетъ родная страна,
 Онъ рекъ предстоящимъ, тогда и могила,
 Повѣрите, друзья, не страшна!»

«Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру надманный,
 Не могъ укротить я волненья страстей—
 И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
 Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
 Погибъ онъ—и други мнѣ стали врагами,
 И, вреда въ дѣло лишь мести одной,
 Дерзнулъ я вступить съ чужими полками
 Въ отчизну свирѣпой войной.

«О мука! о совѣтъ—тиранъ неотступной...
 Ни зрѣннице ставовъ родимой земли,
 Ни тайной гласъ сердца изъ дѣлани преступной,
 Въ часъ битвы, исторгнуть меча не могли!
 Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
 И ярыхъ, и грозныхъ душой москвитякъ,

Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!...

«Бой конченъ—и Глинскій удрѣлъ на равнинѣ
Разтерзанныхъ трупы и груди костей;
Душа предалася невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность намъ вни представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

«Но гений враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстїе далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ:
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дядю царицы опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

«Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей холодной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтять ко мнѣ;
Тоскою, угрюмый, въ душѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ.
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещеть, нѣмѣеть мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь холодная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

«О дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славной,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

«Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыхъ гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примуть отчизны сыны—
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

«Пусть ровъ мой—исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей!

Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
 Ищи не посмѣеть стезею страстей!
 Да видать во мнѣ моей родины братья,
 Что рано, нль поздно—измѣнѣ възграть
 Ужасныя сердцу согражданъ проклятыя,
 И совѣсть отъ сна пробудятъ!»—

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою:
 Вдругъ стоишь по темницѣ—и Глинскій уналь
 На дочери лоно сѣдой головою
 И холодъ кончины его оковалъ!..
 Такъ Глинскій—мужь думы и пламенный воинъ,
 Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
 Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мирѣ достойнъ,
 Когда бы не буря страстей.

II.

Смерть Ермака.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
 Во мракѣ молнии летали;
 Безперервно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
 Ко славы страстию дыша,
 Въ странѣ суровой и угрюмой,
 На дикомъ брегѣ Иртыша
 Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
 Побѣдъ и громозвучной славы,
 Среди раскинутыхъ шатровъ
 Безпечно спали, близъ дубравы.
 «О спите, спите»—мнилъ герой,
 «Друзья, подъ бурю ревущей;
 Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
 На славу, нль на смерть зовущій!

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
 И въ бурю храбрыхъ успокоить;
 Въ мечтахъ напомнить славу онъ
 И силы ратниковъ удвоить.
 Кто жизни не падилъ своей
 Въ разбояхъ злато добывая:
 Тотъ думать будетъ ли о ней,
 За Русь святую погибая?

«Своей и вражьей кровью смывъ
 Всѣ преступленья буйной жизни,
 И за побѣды заслуживъ

Благословенія отчизны —
 Намъ смерть не можетъ быть страшна;
 Свое мы дѣло совершили;
 Сибирь царю покорена,
 И мы — не праздно въ мирѣ живи!»

Но роковой его удѣлъ
 Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
 И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
 На жертву любозытнымъ взглядомъ.
 Ревѣла буря — дождь шумѣлъ,
 Во мракѣ молніи летали;
 Безперерывно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ,
 Вздвигались сѣдые волны,
 И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
 Бія о брегъ казачьи чолны.
 Съ вождемъ покой въ объятыхъ сна
 Дружина храбрая вкушала;
 Съ Кучумомъ буря лишь одна
 На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
 Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
 Прокрался тайною тропой,
 Татаръ толпами окруженный.
 Мечи свергнули въ ихъ рукахъ —
 И окровавилась долина,
 И пала грозная въ бояхъ,
 Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
 И, гибель зря, стремится въ волны,
 Душа отвагою полна,
 Но далеко отъ берега чолны!
 Иртышъ волнуется сильнѣй —
 Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
 И мощною рукой своей
 Валы сѣдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... Ужъ близко челнока —
 Но сила року уступила,
 И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
 Героя съ шумомъ поглотила.
 Лишивши силъ богатыря
 Борются съ ярою волною,
 Тяжелый панцырь — даръ царя,
 Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышь кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бровѣ мѣдной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

III.

Богданъ Хитльницкій.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда уградой проникалъ,
Скользи по сводамъ; гучь девицы
И ужасъ мѣста озарилъ —
Въ цѣняхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хитльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачнѣе кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду жести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
«Такъ, такъ, — онъ думалъ — часъ настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забитый узникъ бурей гранетъ
На притѣснителей враговъ!

«Отмстить колодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей,
Отмстить убійства и хищенья,
Безчестье женъ и дочерей!
Позорныя разрушить цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворить въ родимыя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

«Покроетъ ржа враговъ вольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонуть нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тирани родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій, трепещи, злодѣй!

«За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,

За все—и за сія желѣзы
Тебя мое отмщенье ждѣтъ!..
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача!

«И долго, можетъ быть, стенамъ
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!»
Чела страдальца видѣ суровый
Мрачнѣе сталь отъ думы сей,
И на заржавля оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена —
И входитъ, потушила взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты?— Хмѣльницкій неумленный
Представшей незнакомѣ рекъ —
Оковы-ль снять?.. о часѣ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

«Иль съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпахъ?» —
«О, нѣтъ!— привѣтно проносятся —
Въ душѣ любви пылая жарь,
Жена Чаплинскаго приноситъ
Тебѣ съ рукою свободу въ даръ».

«Жена Чаплинскаго!» — «Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечъ;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой мечъ!»

«Мой мечъ!» Хмѣльницкій восклицаетъ, —
«Живъ Богъ!.. и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засияетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!» —
Сребрила доль царяца ночи,
Въ брега волною Днябрь плескалъ,

Отыникъ удилъ — у рещи
Исторыиный конь стоялъ.

Герой всочилъ, веселья полный,
Летитъ — и зреть поля отцовъ,
И вокругъ его, какъ моря волны,
Рокъ толнятся казаковъ
«Друзья! — оны къ храбримъ воскаичаетъ —
За мной, чью грудь волнуеть мечь,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всегъ дороже честь!

«Самъ Богъ неборникъ угнетеннымъ!
Воида — ршительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!»
И вотъ ошлись два народа.
И съ ирестью вступили въ бой
Оъ тиранотвомъ бодрая свобода,
Климъ отъеговъ молодой.

Сарматъ, и храбрый и надменный,
Вотще увороттвовать хотѣлъ;
Вотще, рабскій, побѣжденный,
Вѣшалъ мечей и кнѣжихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ!...

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ норъ въ украинскихъ степяхъ,
И стала счастиемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.
И тѣя посломъ небесъ желаннымъ
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя — Богомъ даннымъ
Народа общій гласъ назвалъ.

IV.

Къ временщичу.

(Подражаніе Персіевой сатиры «къ Рубеллію».)

Надменный временщичъ, и подлый и коварный,
Моварха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Ненстовый тиранъ родной страны своей,
Внесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый глѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!

Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ клясть вѣнецъ!
 Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженіемъ!
 Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженіемъ:
 Коль самъ съ презрѣніемъ а на тебя владу,
 И гордь, что чувства твоихъ въ себѣ не нахожу?
 Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
 Что власть ужасная и санъ твой величавый?
 Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣтності простой,
 Чѣмъ съ низкими отраслями и подлою душой
 Себя, для строгаго своихъ согражданъ вора,
 На судъ ихъ выставить, какъ будто для позора!
 Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
 Что пользы въ санѣ мнѣ, и въ вочестяхъ моихъ?
 Не санъ, не родъ — одинъ достоинства почтеніи;
 Сеянь, и самне цари безъ нихъ — презрѣніи!
 И въ Цицеронѣ мной не монсулъ — самъ онъ чтимъ,
 За то, что имъ спасенъ отъ Катилинъ Римъ...
 О, мужъ, достойный мужъ! почто не можешь снова
 Родившись, согражданъ спасти отъ рева злова?
 Тиранъ, вострепещи! родиться можетъ онъ!
 Иль Кассій, или Брутъ, или врагъ царей Катонъ!
 О, какъ на лиръ я потщусь того прославить,
 Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
 Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можешь быть,
 Отъ взора общаго причини зла уприть...
 Не зная о своемъ ужасномъ подожженіи!
 Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленіи!
 Какъ не притворствуешь и какъ ти ни хитришь,
 Но свойства злобныя души не утаишь:
 Твои дѣла тебя избличать народу;
 Познаеть онъ — что ты стѣснилъ его свободу,
 Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
 Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
 Тогда вострепещи, о временниці надменни!
 Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
 Но если злобный рокъ, аледѣя полюбя,
 Отъ справедливой мады и сохранить тебя,
 Все трепещи, тиранъ! — за зло и вѣроломство
 Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!
 1820.

V.

Вѣръ Николаевнѣ Отольпинной.

Не отравляй души тоскою,
 Не убивай себя: ты мать;
 Священный долгъ передъ тобою —
 Прекрасныхъ чадъ образовать.
 Пусть ихъ сограждане увидятъ
 Готовыхъ пасть за край родной,
 Дускай они возненавидятъ

Неправду пламенной душой;
 Пусть въ сомнѣ юныхъ исполнiovъ
 На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
 И смѣло скажемъ: «знайте, имъ
 Отець—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ!»
 1825.

Примѣчанія: 1. Дума „Глинскій“ первоначально была напечатана въ XIX ч. „Трудовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“ и оттуда оттиснута отдѣльной брошюрой (Спб. 1822, in 8°, 8 стр.). Изъ вариантовъ этого изданія мы укажемъ только важнѣйшія; именно 13-я строфа оканчивалась стихами:

Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый
 Забывши и славу, и старость мою,
 На дядю царицы надѣлъ онъ оковы
 И свелъ его въ бездну сію.

Послѣдніе же стихи „Думы“, въ перепечаткѣ, помѣщенной въ „Новостяхъ Литературы“ (1822, № 14) были измѣнены такимъ образомъ:

Такъ Глинскій; мужъ Думы и пламенный воинъ,
 Погибъ на чужбинѣ, въ тюремной глуши!
 Хвали-бы онъ вѣчной былъ въ мирѣ достойнъ,
 Когда-бъ не надменность души!

Пользуемся случаемъ, чтобъ указать на крайнюю недобросовѣстность лица, составлявшаго библиографическія примѣчанія къ Лейпцигскому изданію сочиненій Рылѣва, считающемуся лучшимъ. Господинъ этотъ (Л. Л. Л.) вездѣ ставитъ помѣтки: „перепечатано тамъ-то и тамъ-то безъ перемѣнъ“, тогда какъ изъ 10-ти случаевъ 9 оказывается съ перемѣнами, какъ напр. эта „Дума“, или отрывки изъ Войнаровскаго, которые въ „Звѣздѣ“ 1823 года напечатаны полнѣе чѣмъ въ полномъ изданіи 1825 г., или примѣчаніе самого Рылѣва о Волынскомъ, пропущенное въ изданіи 1825 года, и мн. др. Слѣд. Л. Л. Л. только хотѣлъ похвастаться, что онъ работалъ по изданію, а не спекулировалъ.

2. Стихотвореніе: „Бъ временцику“ напечатано Рылѣвымъ, за его подписью, въ ежемѣсячномъ изданіи „Невскій Зритель“ *) (Спб. 1820 г., часть IV, кн. 10, октябрь, стр. 26—28. Книга процензурована Ив. Тимковскимъ); достойно замѣчанія, что вслѣдъ за сатирою помѣщенъ (стр. 29—31), очевидно въ цензурныхъ цѣляхъ, „Польской“, стихотвореніе слабое, но звонкое; при немъ слѣдующее при-

*) Журналъ этотъ издавался съ января 1820 г. по июль 1821 г. Сниткинымъ, Кругликовымъ, Яковлевымъ и Рожновымъ, при постоянномъ участіи В. К. Брюхельбергера и К. Ф. Рылѣва.

мѣчаніе: „Польской — написанный еще въ началѣ 1814 года и доставленный къ издателямъ отъ друга автора К. Θ. Р—ва“. Вотъ нѣсколько строкъ изъ него:

Сыны Россіи! чада славы!
Которымъ равныхъ въ мірѣ нѣтъ!
О, родъ героевъ величавый!
Красуйся средь своихъ побѣдъ.

Х о р ъ.

А ты, премудрый царь—кѣмъ Россіи
Дѣла великія творять,
Велю полнощные колоссы
Вселенну въ прахъ преобразать и т. п.

Стихотвореніе подписано „Петръ Ракитинъ“. Кстати замѣтимъ, что буквальный переводъ Персіевой сатиры: „къ Рубеллію“—явился ранѣе перевода Рыгѣева; онъ сдѣланъ довольно извѣстнымъ поэтомъ начала XIX вѣка Михайломъ Васильевичемъ Милоновымъ, и напечатанъ въ журналѣ: „Благонамѣренный“, откуда вошелъ и въ собраніе стихотвореній Милонова (Сиб., 1819 г. стр. 10—13). Вотъ нѣсколько строкъ этого перевода:

Царя коварный льстець, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестями души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ! и т. д.

Современники Рыгѣева видѣли въ его подражаніи Рубеллію прямую, грозную и крайне смѣлую сатиру на Аракчеева; впрочемъ злой памяти временщикъ не захотѣлъ себя узнать въ рѣзкомъ портретѣ.

П. А. Вфремовъ.

Первое знакомство Гоголя съ Щепкинымъ.

По поводу послѣдней статьи о Гоголѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“, 1872 г. (т. V, стр. 118—128) сынъ знаменитаго артиста, П. М. Щепкинъ передалъ намъ слѣдующее о первомъ посѣщеніи Гоголемъ семьи его отца, Михаила Семеновича:

„Мы знали, что Гоголь, бывший профессоромъ петербургскаго университета и только-что напечатавшій „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, пріѣхалъ въ Москву. Это былъ его первый пріѣздъ сюда. Не помню, какъ-то на обѣдъ къ отцу собралось человекъ двадцать пять — у насъ всегда много собиралось; столъ по обыкновенію накрытъ былъ въ залѣ; дверь въ переднюю, для удобства прислуги, открыта настежь. Въ серединѣ обѣда вошелъ въ переднюю новый гость, совершенно намъ незнакомый. Пока онъ медленно раздѣвался,